

Е. Бергман

**Исторический очерк теорий экономических
кризисов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Е11

Е11 **Е. Бергман**
Исторический очерк теорий экономических кризисов / Е. Бергман – М.: Книга по Требованию, 2014. – 440 с.

ISBN 978-5-4241-6430-9

экономических .

ISBN 978-5-4241-6430-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая работа посвящена изслѣдованію попытокъ объяснить тѣ явленія, которыя обыкновенно считаются особенно характерными и острыми болѣзнями нашего народно-хозяйственнаго организма. Не всѣ различныя теоріи кризисовъ изложены въ этомъ трудѣ. Объясненія, усматривающія причины экономическихъ неурядицъ единственно или преимущественно въ области денегъ и кредита, здѣсь исключены. Немыслимо ихъ разбирать, не обращая вниманія на самые факты народнаго хозяйства. Поэтому они будутъ рассмотрѣны впоследствии въ связи съ изученіемъ явлений хозяйственной жизни.

Настоящая книга является вольнымъ переводомъ нашего сочиненія, вышедшаго въ 1895 году на нѣмецкомъ языкѣ ¹⁾. Въ настоящемъ трудѣ мы не касались самыхъ новѣйшихъ работъ по данному вопросу, вышедшихъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, равно какъ и всей оригинальной русской литературы, надѣясь подробнѣе обработать и критически оцѣнить всѣ эти изслѣдованія въ предполагаемой нами работѣ, которая составитъ продолженіе этой книги.

Въ Россіи менѣе чѣмъ гдѣ либо приходится доказывать право на существованіе за историческимъ изученіемъ экономическихъ теорій. У насъ дедуктивное направленіе политической экономіи еще достаточно господствуетъ надъ умами—быть можетъ, даже слишкомъ. Однако, и такіе экономисты, которые убѣждены, что прогрессъ въ пониманіи экономическихъ явленій всецѣло зависитъ отъ успѣшности ихъ историко-статистическаго изслѣдованія, не могутъ не сознавать, что такое изслѣдованіе фактовъ бесплодно или

---

¹⁾ Eugen von Bergmann, Die Wirtschaftskrisen. Geschichte der nationalökonomischen Krisentheorien. Stuttgart 1895.—Глава о теоріяхъ, утверждающихъ періодичность кризисовъ, въ русскомъ изданіи опущена, въ виду того, что цѣлесообразнѣе излагать эти ученія въ связи съ другими попытками историко—статистическаго изученія фактовъ народнаго хозяйства.

вѣрнѣе немислимо безъ одновременнаго спекулятивнаго мышленія. Послѣднее ставитъ, такъ сказать, вѣхи, которыхъ индуктивное изслѣдованіе придерживается. Поэтому именно и необходимо изучить развитіе и наслоеніе прежнихъ теорій. Внимательное ихъ изученіе доказываетъ, правда, какое значительное вліяніе на возникновеніе и развитіе теорій оказывали потребности извѣстныхъ эпохъ и даже извѣстныхъ группъ народонаселенія. Но исторія нашей науки убѣждаетъ насъ также, что теоретическое мышленіе какъ будто отдѣляется отъ почвы, на которой оно возросло, что оно получаетъ вполне самостоятельную жизнь — другими словами, что извѣстныя теоріи развиваются представителями весьма различныхъ практическихъ и научныхъ направленій.

Вотъ это развитіе теорій, со всѣми его промахами и неудачами, требуетъ тщательнаго изученія, такъ какъ даетъ возможность болѣе критически разобрать и самостоятельнонѣе оцѣнить и современныя попытки теоретическаго объясненія извѣстныхъ явленій, какъ вообще лучше выяснитъ значеніе чисто—теоретическаго и въ частности дедуктивнаго элемента въ нашей наукѣ.

Въ послѣднемъ отношеніи не можемъ не повторить нѣкоторыхъ соображеній, высказанныхъ нами въ предисловіи къ нѣмецкому изданію этого труда. Занимающіеся не только теорією кризисовъ, но вообще исторією экономическихъ доктринъ, вѣроятно, нерѣдко удивлялись, что въ обширной экономической литературѣ нѣтъ ни одного болѣе или менѣе полнаго изложенія теорій кризисовъ. Это потому удивительно, что кризисами вызывались особенно энергичныя попытки критики и, наоборотъ, защиты существующихъ хозяйственныхъ порядковъ. Дѣйствительно, объясненія, почему правильный ходъ народнаго хозяйства нерѣдко нарушается, занимаютъ центральное положеніе въ системахъ самыхъ выдающихся экономистовъ. Лишь вполне понимая ихъ взглядъ на кризисы, можно дать болѣе вѣрное изложеніе ихъ ученій. Одновременно мы такимъ образомъ въ состояніи убѣдиться, въ какой сильной степени теоретическія попытки объяснить явленія разстройства хозяйственной жизни повліяли на общее развитіе научной мысли и въ особенности на развитіе въ политической экономіи исторической и морфологической точекъ зрѣнія. Этимъ научнымъ результатамъ историческаго изученія теорій кризисовъ мы еще потому

III

склонны придавать особое значеніе, что не считаемъ кризисовъ такими сравнительно важными явленіями современнаго народнаго хозяйства и не можемъ видѣть въ нихъ доказательства какого нибудь дѣйствительнаго разложенія общественнаго организма.

При русскомъ изданіи настоящаго сочиненія мы часто ощущали недостатокъ въ сравнительно установившейся и общепринятой въ русской экономической литературѣ терминологіи. Поэтому мы иногда прибѣгали къ самостоятельной передачѣ нѣкоторыхъ терминовъ, не претендуя, разумѣется, на какое либо новаторство въ этомъ отношеніи, и готовы замѣнить наши термины болѣе удачными, если таковые встрѣтятся нами во вновь выходящихъ экономическихъ работахъ.

ВВЕДЕНІЕ

Общія экономическія возрѣнія, лежащія въ основаніи экономическихъ теорій кризисовъ.

Экономическій кризисъ 1825-го года первый заслуживаетъ названія кризиса общаго и междунаго. Еще до 1825 года являлись, однако, въ народномъ хозяйствѣ Зап. Европы нерѣдко застои и нарушенія правильнаго хода жизни, которые болѣе или менѣе могутъ считаться кризисами, хотя и не общими. ¹⁾ Эти „патологическія явленія народнаго хозяйства“ (по выраженію Рощера) можно частью не безъ основанія привести въ связь съ политическими событіями, волновавшими въ то время жизнь народовъ. Однако, съ другой стороны, въ этихъ явленіяхъ выступаетъ новый фазисъ развитія народнаго хозяйства, начинающійся въ Англіи въ послѣдней трети прошлаго столѣтія, а въ другихъ странахъ немного позднѣе. Характерныя черты великаго переворота, нерѣдко называемаго „промышленною революціею“ ²⁾—введеніе машинъ въ самыхъ главныхъ отрасляхъ промышленности и развитіе крупнаго производства въ ущербъ ремесленному и кустарному производствамъ. Съ точки зрѣнія потребителей нельзя было не признать расширеніе производства и удешевленіе товаровъ

---

¹⁾ Clément Juglar (*Des crises commerciales*. Paris. 2 изд. 1889), имѣющій главнымъ образомъ въ виду сферу денежнаго и кредитнаго обращенія, полагаетъ, что кризисы были въ Англіи въ 1772, 1783, 1797, 1802, 1810, 1815, 1818, и 1825 г.г.; во Франціи—въ 1804, 1810, 1818, 1825 г.г.

²⁾ „Промышленный міръ“—такъ писалъ Сисмонди въ 1824 году—„міръ съ экономической точки зрѣнія претерпѣлъ за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ революціи не менѣе удивительныя цѣмъ политической міръ; его физіономія измѣнилась въ не менѣе значительной мѣрѣ; онъ не представляетъ наблюдателю менѣе новыхъ вопросовъ; онъ не менѣе приглашаетъ возобновить съ помощью опыта обсужденіе максимъ, которыя теоріею отнесены въ число принциповъ“. *Simonde de Sismondi, Etudes sur l'économie politique* (Paris 1837) I, 49.

благодѣтельными послѣдствіями измѣненія техники и системы производства. Отчаянная борьба кустарныхъ производителей съ усовершенствованной техникой фабричнаго производства, избытокъ массъ различныхъ товаровъ и паденіе товарныхъ цѣнъ, пере-рывъ производства и банкротъ крупныхъ предпріятій, безрабо-тица и физическое и нравственное вырожденіе новообразованнаго класса фабричныхъ рабочихъ—являлись, съ другой стороны, фак-тами, благодаря которымъ эта экономическая эволюція должна была казаться опасной и губельной въ глазахъ даже такихъ современ-никовъ, интересы которыхъ непосредственно не были затронуты.

Самый общій признакъ разстройства экономическихъ отно-шеній необходимо было видѣть въ недостаткѣ соотвѣтствія меж-ду предложеніемъ и спросомъ, между производствомъ и потре-бленіемъ хозяйственныхъ благъ. ³⁾ Поэтому вопросъ о причинахъ и о значеніи такого несоотвѣтствія долженъ былъ сдѣлаться цен-тромъ теоретическихъ изслѣдованій и обсужденій. На попытки дать удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣли, понят-но, главное вліяніе господствовавшія воззрѣнія на экономическое значеніе производства и потребленія, предложенія и спроса. Для лучшаго пониманія возникновенія и развитія теорій экономиче-скихъ кризисовъ является поэтому необходимымъ отмѣтить господ-ствовавшія въ началѣ нашего столѣтія воззрѣнія на упомянутыя главныя явленія народнаго хозяйства.

При обзорѣ воззрѣній, имѣющихъ для насъ въ данномъ случаѣ значеніе, оказывается вполне цѣлесообразнымъ различать принятыя три системы политической экономіи—меркантилизмъ, физиократизмъ и школу Адама Смита.

Теоретическимъ центромъ *меркантильной* системы мы долж-ны признать мнѣніе о чрезвычайной важности обмѣна для эконо-мической жизни и, далѣе, убѣжденіе въ необходимости непре-станной регламентаціи народнаго хозяйства правительствомъ. ⁴⁾

³⁾ Ср Sismondi, Etudes II, 114.

⁴⁾ *Рошеръ* признаетъ „практическими основными мыслями меркантили-стовъ“ слишкомъ высокое мнѣніе о величинѣ и густотѣ народонаселенія, о массѣ денегъ, объ иностранной торговлѣ, о государственномъ воздѣйствіи на общественную жизнь.—См. Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland (Munchen 1874) Стр. 8. и слѣд.

Рошеръ коротко и мѣтко указалъ на то, что ученія и требованія меркантилистовъ выросли изъ потребностей и условий народной и государственной жизни того времени. Ученіе, что для успѣшнаго и правильнаго хода народнаго хозяйства необходимы регламентація и контроль государства, образуетъ теоретическое обоснованіе стремленія управляемаго сильнымъ чиновнымъ сословіемъ государства подчинить себѣ всѣ народныя силы и воспользоваться ими для своихъ цѣлей. Чрезмѣрно высокое мнѣніе о значеніи сферы обмѣна и въ особенности о значеніи спроса, т. е., стремленія потреблять снабженнаго покупательной силой, дѣлается понятнымъ, если вспомнить, что это время характеризуется расширеніемъ денежнаго хозяйства, развитіемъ международной торговли, удивительными послѣдствіями измѣненія цѣнности денегъ.

Мы замѣчаемъ, что авторы 17-го вѣка при анализѣ экономической жизни весьма сочувственно и даже съ искреннимъ удивленіемъ отмѣчаютъ тотъ фактъ, что расходы однихъ лицъ образуютъ доходы другихъ и что благодаря этому между хозяйствующими единицами вырабатывается тѣсная и необходимая связь.

Знаменитый и вліятельный въ свое время германскій ученый Johann Joachim Becher, напр., излагаетъ въ своемъ сочиненіи: „Politischer Diskurs von den eigentlichen Ursachen des Auf—und Abnehmens der Städte und Länder“ (Frankfurt ^a/м. 1668) весьма наглядно, что купецъ доставляетъ сбытъ ремесленнику, ремесленникъ же въ свою очередь сельскому хозяину и что всѣ трое, такимъ образомъ, благоденствуютъ. „Однимъ словомъ, потребление поддерживаетъ эти три сословія, потребление ихъ душа, потребление единственное звено, связующее эти три сословія и дающее имъ возможность жить каждому изъ нихъ на счетъ другихъ“. ⁵⁾

Зависимость, существующая между расходами однихъ лицъ и доходами другихъ, излагается такъ же наглядно и, можно сказать, наивно другимъ авторомъ, который, впрочемъ, не принадлежитъ къ меркантилистамъ, а является провозвѣстникомъ новаго экономического направленія.

⁵⁾ Стр. 17.

Boisguillebert, старающийся доказать вредное влияние высоких налогов на размер потребления, описывает эту тесную связь между доходами и расходами следующим образом: „Поденщик едва получил свою поденную плату, как отправляется выпить пинту вина, если цена его дешевая; трактирщик, продавший свое вино, снова покупает вино у арендатора или винодѣла; послѣдній этими деньгами уплачивает аренду поземельному собственнику, который дает занятіе ремесленникамъ и удовлетворяет свою страсть воздвигать постройки или покупать государственныя должности“. 6)

Такое мнѣніе спроса не приводит, однако, меркантилистовъ къ требованію усиленія потребления народной массы, возвышенія уровня потребностей низшихъ и самыхъ широкихъ слоевъ населенія. Это въ наше время намъ хорошо знакомое соображеніе дѣйствительно является у Буагильберъ, который увѣщеваетъ богатыхъ освободить въ своемъ собственномъ интересѣ бѣдныхъ отъ податного бремени, дабы послѣдніе могли больше потреблять 7). Но Буагильберъ не принадлежитъ къ меркантилистамъ; современники считали его филантропомъ съ неясными воззрѣніями и стремленіями. Для большинства теоретиковъ меркантилизма, въ особенности раннихъ, само собою разумѣется, что увеличеніе спроса можетъ осуществиться лишь усиленіемъ потребления среди имущихъ сословій. Такое усиленіе потребления зажиточныхъ классовъ возможно, очевидно, не столько путемъ болѣе полного удовлетворенія основныхъ и первоначальныхъ потребностей, сколько путемъ утонченія потребления и развитія роскоши.

Защитники роскоши въ 17 и 18 вѣкахъ выдвигаютъ аргументы, пользующіеся значеніемъ еще въ наше время. Они отмѣчаютъ влияние утонченія потребностей на развитіе культуры, да-лѣе влияние стремленія удовлетворить новыя потребности на напряжение и развитіе всѣхъ человѣческихъ способностей. Въ особенности же они указываютъ на тотъ фактъ, что роскошь богатыхъ, увеличивающая общій спросъ на товары, даетъ занятіе, а

6) См. *Economistes financiers du XVIII—ème siècle*. Ed. Daire, Paris 1843, стр. 212.

7) *Economistes financiers* стр. 420.

слѣдовательно и хлѣбъ болѣе значительному числу людей. Такое воззрѣніе, что роскошь, если даже она и вредитъ въ частнохозяйственномъ отношеніи, необходима и благодѣтельна для тѣхъ, которые предоставляемыми ею наслажденіями лично не пользуются, весьма распространено и въ наше время. Тѣмъ не менѣе въ литературѣ, и въ особенности въ экономической литературѣ, эта точка зрѣнія имѣетъ далеко не то значеніе, которое она нѣкогда имѣла у ученыхъ и у поэтовъ, у государственныхъ людей и у теоретиковъ.

Самымъ послѣдовательнымъ и безпощаднымъ поборникомъ мысли о пользѣ и даже объ экономической необходимости утонченнаго потребленія, роскоши, мотовства является Bernard de Mandeville. Этотъ безспорно остроумный писатель изложилъ свои воззрѣнія на значеніе роскоши сперва въ стихотвореніи, напечатанномъ въ 1705 г. (The Grumbling Hive or Knaves turned honest). Эта поэма съ примѣчаніями и различными прибавленными статьями образовала въ послѣдствіи знаменитую книгу, озаглавленную „Сказкою о пчелахъ“. ⁸⁾ Парадоксы и цинизмы Мандевилля обратили на себя общее вниманіе и сдѣлались предметомъ ожесточенныхъ нападокъ—главнымъ образомъ, однако, съ философско—этической, а не съ экономической точки зрѣнія. Это понятно. Прославленіе значенія роскоши богачей въ качествѣ движущей силы являлось хотя и въ болѣе смягченной формѣ символомъ вѣры значительной части образованнаго общества. Такіе авторитетные представители меркантилизма, какъ Melon ⁹⁾ Forbonnais, Steuart, Sonnenfels ¹⁰⁾ раздѣляли мысль, что роскошь обеспечиваетъ бѣднымъ кусокъ хлѣба. При этомъ между ихъ точкой зрѣнія и точкой зрѣнія Мандевилля незамѣтно строгой разграничительной черты. Обсужденіе значенія роскоши переходитъ, однако, у меркантилистовъ постепенно все болѣе въ разборъ народнохозяйственной функціи потребленія вообще и спроса на товары и связывается все болѣе съ общимъ анализомъ мѣноваго обмѣна и денежнаго обращенія.

⁸⁾ Первое изданіе въ формѣ книги вышло въ 1714 г. и имѣетъ слѣдующее заглавіе: „The Fable of the Bees; or Private Vices Publick Benefits“.

⁹⁾ Jean François Melon, Essai sur la politique.—См. Economistes financiers стр. 747.

¹⁰⁾ Joseph von Sonnenfels, Abhandlung von der Teuerung. 1769 стр. 32—35.

Обращеніе товаровъ, т. е. обусловленный правомъ частной собственности и раздѣленіемъ труда обмѣнъ товаровъ, а съ другой стороны связанное съ нимъ обращеніе денегъ— подробно разсматриваются позднѣйшими меркантилистами, при чемъ въ ихъ изслѣдованіяхъ встрѣчаются, рядомъ съ многочисленными бесплодными хитросплетеніями и неясностями, мысли, заслуживающія серьезнаго вниманія. Слово „обращеніе“ имѣло для нихъ не только значеніе важнаго технического термина, но почти значеніе магическаго слова. Обращеніе являлось въ ихъ глазахъ чѣмъ-то чудотворнымъ, ему приписывали таинственныя силы, такъ какъ думали, что то, что проявляется въ мѣновомъ обращеніи, дѣйствительно имъ же и производится.

Эта точка зрѣнія особенно хорошо развивается самымъ замѣчательнымъ теоретикомъ меркантилизма—шотландцемъ *Sir James Stewart*.

Этотъ талантливый и ученый писатель нисколько не игнорируетъ значенія сельскаго хозяйства и въ своемъ капитальномъ трудѣ „*Inquiry into the principles of political economy*“ (London 1767) излагаетъ рядъ интересныхъ соображеній по вопросамъ исторіи и общественной роли земледѣлія. Тѣмъ не менѣе обращеніе товаровъ и денегъ, очевидно, по его убѣжденію, несравненно важнѣе какъ для научной теоріи, такъ и для государственной политики. Подобно Буагильберъ Джемсъ Стюартъ вполне проникнутъ убѣжденіемъ, что необходима известная пропорціональность въ явленіяхъ и измѣненіяхъ общественной и въ частности экономической жизни. Въ противоположность, однако, къ Буагильберъ, требующему въ общей сложности либеральную экономическую политику, Стюартъ полагаетъ, что лишь государственная регламентація въ состояніи осуществить упомянутое условіе общественнаго преуспѣянія, а именно пропорціональность между различными явленіями жизни.

Необходимость правильнаго соотношенія, по мнѣнію Стюарта, особенно ясна по отношенію къ спросу и предложенію товаровъ. При изложеніи этого вопроса авторъ употребляетъ вмѣсто слова „предложеніе“ (supply) слово „трудъ“ (work), такъ какъ въ этомъ случаѣ „главнымъ образомъ имѣются въ виду интересы работающихъ“. Съ цѣлью лучшаго уясненія вопроса слѣдуетъ, по сло-